УДК 316.3

О МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Ершов Юрий Геннадьевич,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Уральский институт управления (филиал), заведующий кафедрой философии и политологии, доктор философских наук, профессор, г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: yuri-ekb@mail.ru

Аннотация
В статье анализируется концепция гражданского общества С.Г. Зырянова и А.Н. Лукина. Отмечается широта поставленных проблем, достижения и спорные моменты предложенных решений. Показаны методологические перспективы подхода авторов к структуре гражданского общества.

Ключевые понятия:
гражданское общество, субстратная и функциональная структура, самоорганизация, права и свободы.

Формально-юридически изменения в общественно-политической жизни России за последнюю четверть века революционны и эпохальны. Легализована частная собственность, возникли новые институты, невозможные во времена господства КПСС общественные палаты, разнообразные союзы, движения, клубы, множество некоммерческих организаций. Конституционно закреплены ценности основных прав и свобод человека, разделения властей, многопартийности и т.п., выражающие приоритет общества по отношению к государству. Соответственно, официальная политическая риторика пронизана лозунгами поддержки гражданского общества и высокой оценки его роли в демократическом развитии страны. При этом современный политический процесс в стране отчетливо демонстрирует далеко зашедшую авторитаризацию власти, возрастающий масштаб нарушений прав и свобод граждан. Частные компании рассматриваются властью как инструменты, подчиненные ее воле и обязанные действовать в строгих рамках предписанных «сверху» правил. Сокращается и без того не слишком широкая свобода слова, сворачивается любая активность, напрямую не контролируемая властями, медленно происходит удушение остатков информационной и интеллектуальной свободы.

Но ведь есть активность граждан, имеющая все признаки самодеятельности; в ряде определений гражданского общества подчеркивается связь его сущностных черт с самоорганизацией, самоуправлением, гражданской инициативой. Разве не таковы спонтанность и гражданское воодушевление «крымского консенсуса», растущее движение «Бессмертный полк», сбор значительных сумм телезрителями для лечения тяжелобольных детей, массовая поддержка В. Путина и т.п.? Подобные факты заставляют избегать однозначных, тем более идеологически клишированных оценок.

В то же время не сбросить со счетов то обстоятельство, что общее состояние России являет практически полное отрицание всех тех принципов и целей, которыми в отечественной литературе наделялось гражданское общество на протяжении последних тридцати лет. Понятно, почему проблематика гражданского общества начинает испаряться как из сферы интересов российских обществоведов, так и из лексикона чиновников и провластных политиков. Но из определения перспектив ближайшего

будущего России эта проблема исчезнуть никуда не может, тем более, что агрессивное поведение иных «активистов» принимает форму лавины, угрожающей всем «инакомыслящим», «либерастам», «пятой колонне». Трудно в подобных случаях увидеть черты современного цивилизованного общества.

Вот почему обращает на себя внимание интересная попытка переосмысления тупиков и порогов в решении затронутой проблемы в цикле статей С.Г. Зырянова и А.Н. Лукина [3–5]. В них рассматриваются различные дискуссионные вопросы теории и практики гражданского общества в России, вызывающие необходимость дальнейшего разговора.

«Почему же, – недоумевают авторы, – очевидные количественные и качественные содержательные изменения в социально-политическом строе России не привели к решающему скачку – к появлению развитого гражданского общества?» [4, с. 7]. Но, может быть, количественные и качественные изменения не столь очевидны? Или имеют поверхностный характер и по этой причине недостаточны для решающего скачка? Или все дело в том, что сама идея гражданского общества для значительной части россиян не стала ценностно состоятельной и притягательной. (Авторы ссылаются на данные социологического опроса населения, проведённого российским социологом И.А. Савченко. Согласно этому опросу 8% россиян не понимают, что такое гражданское общество, а 19% и вовсе дают своё негативное определение гражданскому обществу с отрицательной коннотацией («либеральный миф», «утопия для идеалистов», «фикция», «обман народа», «результат западной пропаганды» и т.п.) [4, с. 7]. Кажется, впору говорить о чуждости гражданского общества для России, в том числе из-за равнодушного отношения людей к нарушению их прав и свобод.

Вполне вероятно, что этот парадокс является следствием некритического применения сложившихся теоретических стандартов. Казалось бы, на протяжении примерно полутора столетий отечественные обществоведы постоянно предупреждают друг друга о необходимости решительного отказа от модели общества, исторически созданной на иной социокультурной «почве», но принимаемой за эталонный образец. Трагический опыт многих стран мира, втянутых в «догоняющую» модернизацию, убедительно демонстрирует несостоятельность скоропалительного «внедрения» «эталонных» моделей гражданского общества.

На основе «западного» образца («эталона») и даются оценки уровня развития и роли российских институтов гражданского общества, даже если они противоречат друг другу. Так, в экспертном сообществе преобладает мнение о том, что российское гражданское общество все ещё находится в стадии становления, имеет неразвитую или находящуюся в стадии формирования структуру. Порой утверждается о беспрецедентном уровне концентрации власти, «освобожденном» от какого-либо социального контракта с обществом. Констатируется сведение к минимуму или быстро преходящий характер обязательств перед избирателями, партиями, правительством, Думой, даже перед самой политической элитой и силовыми структурами. Расхождения позиций укладываются в широкий диапазон – от отрицания самого наличия гражданского общества до признания значительных позитивных сдвигов в его развитии и даже утверждений о возникновении нового, демократического консенсуса между властью и обществом. Остаются дискуссионными определения и, соответственно, понимание гражданского общества. Концептуальные расхождения возникают уже в связи с определением времени (стадии общественного развития) возникновения гражданского общества.

Анализируя политологическую литературу, С.Г. Зырянов и А.Н. Лукин ставят вопрос о необходимости «раскрыть содержание понятия «структура гражданского общества» как некоего идеального типа и исследовать структуру современного российского гражданского общества, для того чтобы соотнести идеальную модель с российской реальностью» [5, с. 7].

Но не произойдет ли в этом случае возвращения на дискредитированную методологическую позицию? Поскольку идеальный тип представляет собой продукт «научно дисциплинированной фантазии», никогда нельзя заранее определить, имеем ли мы дело с пустой игрой мысли или же с научно значимой позицией. Единственным критерием научности, по Веберу, оказывается исследовательская продуктивность той или иной концепции: чем выше эвристический потенциал идеального типа, тем больше и его научное значение. Отсюда два важных следствия: во-первых, параллельно могут существовать несколько конкурирующих идеально-типических

конструкций, относящихся к одной и той же совокупности эмпирических данных. Некорректно ставить вопрос о том, какой из них лучше соответствует действительности (этот вопрос вообще теряет смысл): спор между ними решается в зависимости от того, какой идеальный тип продуктивнее работает, обеспечивает прирост нового достоверного знания; во-вторых, любой идеальный тип, каким бы совершенным он ни казался, является преходящим, относительным, неизбежно сменяется новым.

Какие же «идеально-типические черты гражданского общества выделяются в современной литературе? Обычно философы, правоведы и политологи в целом сходятся на определенном числе признаков гражданского общества; с другой стороны, мы сталкиваемся скорее с описанием, перечислением, чем концептуализацией. Так, в гражданское общество включают добровольно сформировавшиеся первичные самоуправляющиеся общности людей (семья, корпорация, общественная организация, творческий союз, конфессиональное объединение и т.п.); производственную и частную жизнь людей; сферу самоуправления свободных индивидов и их организаций. Не отличается логической строгостью подход и тех политологов, которые определяют гражданское общество как сферу неполитического бытия человечества, включающего такие формы жизнедеятельности, как труд и собственность, семью, любовь, удовлетворение первичных потребностей, хобби и т.д.

Социокультурное измерение гражданскому обществу придавал А.С. Ахиезер, связывая его развитую форму с либеральной цивилизацией. То есть, гражданское общество неотделимо от городской жизни, абстрактного мышления, товарно-денежных отношений и рынка, осознания ценностей личности, личной инициативы и частной собственности. Также им отмечалось, что гражданское общество – это, прежде всего, рост личной ответственности за общество, способность формировать и поддерживать специальные институты, организации, ассоциации, направленные на защиту и изменение общества в целом [1, с. 62]. Другими словами, не может быть гражданского общества без гражданина – человека, обладающего чувством собственного достоинства, независимости, уважением прав и свобод других граждан, законопослушностью, солидарностью, совестью и порядочностью. Гражданское общество тем жизнеспособнее, чем в большей степени его члены обладают высоким уровнем социального и человеческого капитала, следовательно, способны к самостоятельным и инициативным действиям, причем не только для достижения собственных целей, но и во имя общесоциальных ценностей: «малой» и «большой» Родины, демократии, свободы и справедливости и т.п. Гражданин – это человек, обладающий гражданским мужеством, то есть готовый решительно отстаивать свое гражданское достоинство, бороться за свои гражданские права и ценности открытого общества. В гражданском обществе найден и, как правило, успешно поддерживается баланс государственных и частных интересов, поскольку юридически обеспечены и политически защищены основные права и свободы личности. Таким образом, гражданское общество с присущей ему экономической независимостью личности от аппарата публичной власти выступает условием и предпосылкой становления и развития правового государства. Если рассматривать права и свободы граждан в контексте взаимодействия личности и государства, то они предназначены служить пределом осуществления государственной власти.

Будучи исторически первичной формой, западноевропейское гражданское общество отличается от аналогичных образований в иных социально-культурных регионах. В других странах и цивилизациях гражданское общество стало возникать значительно позже (XIX–XX вв.) и, во многом, под воздействием европейской цивилизации. Если исходить из европоцентристской методологической установки и определять гражданское общество в узком значении, выделяя в нем ценности и институты правовой защиты личности и ее частнособственнических интересов, то мы не найдем аналогичных структур в завершенном, оформленном виде. Поэтому приходится значительно видоизменять проблему гражданского общества для стран не западных: постсоциалистических, восточных, стран «третьего мира» – говорить об их незрелости, деформированности, отсутствии тех или иных черт и т.п., при сравнении с «эталоном».

Какой «идеальный» тип конструируют С.Г. Зырянов и А.Н. Лукин? Под *гражданским обществом* они понимают «сложную, многоуровневую, самоорганизованную систему относительно автономных от государства гражданских институтов и практик, используя которые граждане способны

совершать осмысленные индивидуальные, групповые или массовые действия в защиту или с целью реализации своих интересов» [5, с. 8]. Подчеркивается – основные акторы гражданского общества не стремятся стать субъектами власти, находятся в пространстве частной жизни, но принимают на себя ответственность за управление основными институтами власти в целом. В этом смысле есть сфера существования власти государственных институтов и есть сфера власти и влияния гражданского общества.

Авторы обозначают те сущностные связи, с утратой любой из которых гражданское общество теряет свою качественную определённость. По их мнению, это: «во-первых, относительная самостоятельность граждан и институтов гражданского общества от государства в реализации своих интересов» [5, с. 8]. Судя по дальнейшему изложению, акцент сделан на «относительности». «Даже в странах с либеральной экономикой, – пишут С.Г. Зырянов и А.Н. Лукин, – где имеют место наработанные практики ограничения избыточного вмешательства государства в сферу бизнеса, влияние его на экономические отношения всё-таки остаётся весьма значительным, а иногда решающим» [5, с. 8]. Отсюда более чем странный вывод о невозможности включения в гражданское общество бизнес-структур и коммерческих организаций. Странный, потому что далее авторы включают в элементы гражданского общества союзы промышленников и предпринимателей, политические и экономические форумы как площадки для неформального диалога власти и бизнес-структур и т.п. Согласимся, что принадлежность организации к политическим властным структурам автоматически исключает её из гражданского общества. Но в том и сила, и потенциал развития гражданского общества, что в нем частная собственность неприкосновенна, поэтому коммерческие организации обладают серьёзной автономией от государства, охраняемой самим государством.

«Во-вторых, – продолжают авторы, – атрибутивным признаком институтов гражданского общества является отсутствие с их стороны притязания на завоевание или включение в механизм функционирования институтов политической власти, но при этом возложение на себя ответственности за принятие значимых политических решений и, тем самым, формирование будущего состояния гражданского общества. [4, с. 8–9]. Здесь интересно знать, как соотносятся между собой «возложение ответственности», тем более за значимые политические решения, и отказ от включения в механизмы политической власти. Если полная подконтрольность деятельности тех или иных структур, как считают авторы, выводит их за пределы гражданского общества (например, государственные масс-медиа), как быть с тем, что «развитое гражданское общество априори предполагает многогранный и многоуровневый диалог между властью и институтами гражданского общества» [4, с. 9–10]? Где тогда каналы, механизмы, формы «многогранного и многоуровневого диалога»? Если функции общественного контроля и общественной экспертизы государственных решений атрибутивно присущи развитому гражданскому обществу, если на улицы городов в иных странах могут выйти сотни тысяч, а то и миллионы протестующих против попыток власти ограничить демократические права и свободы населения, то это прямое следствие законодательного признания подобных форм диалога.

По нашему мнению, авторы гораздо более точны и глубоки, анализируя ситуацию дискриминации интересов населения политической элитой, нарастания социальной напряженности, ведущую к конфронтации структур гражданского общества с органами авторитарной власти. При углублении конфликта эти структуры меняют свою «природу», становятся основой новых политических партий или движений. Если же возникает открытая борьба за власть, как это было с профобъединением «Солидарность» в Польше в 80-х годах прошлого века, то это скорее показатель реальной силы гражданского общества, возникшего в недрах авторитарного политического режима. Далее же, согласимся, после окончания социального и политического противостояния гражданское общество переформатируется, создавая правовую форму взаимодействия с государством.

Также вряд ли можно согласиться с выделением третьего признака: «взаимодействия элементов гражданского общества между собой и другими социальными образованиями не должны выходить за рамки норм права и общепринятых требований общественной морали» [5, с. 9], поскольку нет этих связей – нет гражданского общества. Логически такой способ рассуждения весьма уязвим, правовые нормы и общепринятые нравы присущи и авторитарному обществу, следовательно, речь надо вести о тех качествах гражданина, которые от-

личают его от подданного, и о которых мы упоминали выше.

Подробный анализ концепции С.Г. Зырянова и А.Н. Лукина потребовал бы не меньшего цикла статей, поэтому остановимся на их методологически важной попытке применения системно-синергетического подхода к природе гражданского общества. Авторы констатируют, что обычно в гражданское общество включают граждан, семью, религиозные объединения, союзы предпринимателей, ассоциации потребителей, благотворительные фонды, профсоюзы, творческие союзы, непарламентские политические партии и объединения, общественные советы при органах власти, общественные палаты, правозащитные экологические организации, органы местного самоуправления, научные и культурные организации, спортивные сообщества, независимые средства массовой информации и тому подобные структуры [5, с. 9]. Но, по их мнению, это перечисление всего лишь **субстратный набор**, который лишь потенциально может соединиться в систему и стать сложной институциональной средой гражданского общества. Только после возникновения структурных связей происходит превращение формальных субъектов гражданского общества в действительных. «По нашему убеждению, – пишут они, – одна и та же организация может либо входить в гражданское общество в качестве его элемента, либо нет, в зависимости от характера её связей с другими социальными институтами» [5, с. 8]. Действительно, во всемирной истории мы сталкиваемся как с отсутствием однозначных связей между общественными структурами и их субъектами, так и с четко выраженной связью природы класса, социальной группы с содержанием их деятельности.

Поэтому предлагается рассмотреть те элементы гражданского общества в единстве с их связями, которые обеспечивают превращение «субстрата» в элемент и субъект гражданского общества.

На наш взгляд, авторы вышли на плодотворное различение субстратной и функциональной структур, взаимодействие которых позволяет прояснить механизм самоорганизации сложных систем [2]. Субстратная структура системы возникает как результат непосредственного взаимодействия элементов, обусловленного их свойствами, тем, что можно назвать их природой. Функциональная же структура выражает собой системный эффект взаимодействия составных элементов, уже несводимый к их непосредственным свойствам, хотя и не существующий помимо них. Детерминирующее воздействие целого на составные части выражается в относительной самостоятельности функциональной структуры, влияющей на свойства элементов. Взаимодействие системы с ее средой также происходит на двух уровнях: элементов и целого, субстратной и функциональной структур. Управляющая роль функциональной структуры делает возможным снятие напряжений или использование в своих целях тех изменений в элементах, которые происходят под воздействием внешнего влияния – разумеется, до определенного предела, пока эти изменения не начинают приводить к необратимым последствиям и не оказывают решительного влияния на свойства целого, на всю систему. Взаимодействие этих двух видов структуры, опосредованное отношением к окружающей среде, раскрывает источник развития системы. «Не только функциональная, но даже субстратная структура системы, – отмечали Ю.П. Ведин и Э.К. Лиепинь, – не является действующим фактором, то есть функциональная структура есть та форма, в которой реализуется опосредованное системой детерминирующее действие элементов системы на самих себя в плане сохранения и развития системы, то есть посредством функциональной структуры осуществляется как воздействие элементов на систему, так и системы на свои элементы. В этом отношении система предстает как качественно новый объект, способный быть действующей причиной» [2, с. 50].

Каковы методологические следствия такого понимания природы самоорганизующегося и саморазвивающегося целого для анализа гражданского общества? В синергетическом подходе утверждается единство воздействия элементов субстрата на свойства целого и обратной детерминации целостности на свой части. Но чаще всего мы сталкиваемся с ситуацией, когда «вполне правомерное обоснование существенного значения организации, функциональных связей в целостных образованиях сопровождалось абсолютизацией организующих отношений, что также не позволяло дать монистическое и субстанциональное объяснение целого, поскольку его субстратная основа рассматривалась как пассивный, случайный «материал» для реализации структуры целого – «материал», без которого, правда, нельзя обойтись, но который необходимо не связан с организующими

отношениями, воплощенными в нем» [2, с. 47]. Относительное безразличие структуры и структурных изменений к содержанию элементов и динамике их состава при таком подходе абсолютизируются, при этом порой игнорируется вообще значение элементов в детерминации качественных особенностей явления, процесса. (Ср.: Маркс: «Общество не состоит из индивидов, а выражает сумму тех связей и отношений, в которых эти индивиды находятся друг к другу»).

Теперь можно вернуться к анализу, проделанному авторами. Их вывод: «...несмотря на существование в современной России множества организаций, претендующих на статус элементов гражданского общества, ввиду несовершенства структурных связей (в некоторых случаях отсутствие финансовой основы деятельности для развитых независимых решений, как, например, в местном самоуправлении, в других – избыточный административный контроль со стороны органов государственной власти и т.д.), имеет место низкий уровень сформированности структуры самого гражданского общества» [5, с. 13–14]. Поэтому, утверждают авторы, задача не в наращивании критической массы некоммерческих НКО, но в повышении уровня экономической обеспеченности и независимости граждан, углублению демократии и расширению прав, развитии правовых основ функционирования гражданского общества, обучении и воспитании граждан в духе уважения прав и свобод личности, и т.д., и т.п. Кажется, все верно, но есть и черты порочного круга – для создания гражданского общества уже должны быть его элементы, причем в зрелом состоянии. Должен быть полноценный диалог гражданского общества и государства, но государство чудесным образом должно стать правовым и признать на деле гражданское общество паритетным партнером. Это и есть случай абсолютизации структуры, игнорирующий содержание элементов и динамику их состава, детерминирующих качественные особенности возникновения гражданского общества. Эта абсолютизация коррелирует с иллюзиями законодательного создания из «ничего» гражданского общества по воле либеральных реформаторов. Согласимся, действительно, «задача не в наращивании критической массы некоммерческих НКО», но в приближении к критической точке конфликта изменившейся субстратной структуры с прежней функциональной структурой. Задача не в завоевании протестного большинства (оно может страстно желать возвращения к простоте и стабильности традиционного общества, оно легко превращается в «агрессивно-послушное» большинство, становится источником анархии и деструкции). Необходимо накопление критической массы независимых и свободно мыслящих граждан, осознающих свою честь и достоинство. Тогда и групповые (коллективные и т.п.) элементы общества приобретут желаемое качество.

Поэтому невозможно говорить о становлении современного гражданского общества в России вне многообразных конфликтов с авторитарным государством. Какие же именно элементы субстратной структуры станут источником дальнейших изменений, как будет развиваться синергетический процесс их взаимодействия – вопрос, всегда решаемый конкретно-исторически, всегда обусловленный специфическими детерминациями. В прошлом это были: профсоюз «Солидарность» с Лехом Валенсой, «Гражданский форум» с Вацлавом Гавелом, молодые португальские офицеры, сегодня таким фактором может стать Интернет.

В действительности в России зачатки постсоветского гражданского общества начинают свертываться в пространство частной жизни. Под угрозой находится модернизаторский потенциал творческого меньшинства, способный стать субстратом восстановления системы самоуправляющихся объединений, союзов, ассоциаций и т.п. Они, в свою очередь, могут оказать продуктивное воздействие на функционирование государства.

Предсказать, когда и как именно в России возобновится движение к демократии и верховенству права, невозможно. Но, скорее всего, как обычно, оно начнется в следствие острого внутриэлитного конфликта. Его позитивное разрешение, в первую очередь, – действительное разделение властей, создание системы сдержек и противовесов как самоограничения государственной власти. Это главное условие полноценного существования и развития гражданского общества, саморазвивающегося взаимодействия субстратной и функциональных структур государственно организованного общества.

Что касается «идеал-типичности» гражданского общества в контексте его «западного» происхождения – еще никому внятно и последовательно не удалось опровергнуть цивилизационного значения

его сущностных черт, связанных, прежде всего, с феноменом гражданина как субъекта основных прав и свобод. Проблема же «органичности» его развития в России – это проблема сбалансированности прав и обязанностей, свобод и ответственности, механизмы реализации которых и свидетельствуют о степени государственной мудрости реформаторов, контролирующих эволюционную стратегию развития общества.

1. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. М., 1990. Т. 3. 470 с.

2. Ведин Ю.П., Лиепинь Э.К. Системный подход и познание самодвижения материи // Диалектика – методология естественнонаучного и социального исследования. Вып. 4. Л., 1976. С. 45–53.

3. Зырянов С.Г., Лукин А.Н. Гражданское общество в современной России: основные сценарии становления и развития // Социум и власть. 2016. № 3 (59). С. 7–16.

4. Зырянов С.Г., Лукин А.Н. Гражданское общество как система: проблема обретения эмерджентного свойства // Социум и власть. 2016. № 4 (60). С. 7–13.

5. Зырянов С.Г., Лукин А.Н. Структурные связи системы гражданского общества и сформированность его институтов // Социум и власть. 2016. № 5 (61). С. 7–14.

References

1. Ahiezer A.S. (1990) Rossija: kritika istoricheskogo opyta. Moscow, t. 3, 470 p. [in Rus].

2. Vedin Ju.P., Liepin' Je.K. (1976) Sistemnyj podhod i poznanija samodvizhenija materii / Dialektika – metodologija estestvennonauchnogo i social'nogo issledovanija. Vyp. 4. Leningrad, pp. 45–53 [in Rus].

3. Zyrjanov S.G., Lukin A.N. (2016) *Socium i vlast*, no. 3 (59), pp. 7–16 [in Rus].

4. Zyrjanov S.G., Lukin A.N. (2016) *Socium i vlast*, no. 4 (60), pp. 7–13 [in Rus].

5. Zyrjanov S.G., Lukin A.N. (2016) *Socium i vlast*, no. 5 (61), pp. 7–14 [in Rus].

UDC 316.3

ON METHODOLOGY OF STUDYING A CIVIL SOCIETY

Ershov Yuriy Gennadyevich,
The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Ural Institute of Management (branch),
Head of the Department Chair of Philosophy and Political Science,
Doctor of Philosophy, Professor,
Yekaterinburg, Russia.
E-mail: yuri-ekb@mail.ru

Annotation
The article analyzes the concept of a civil society by S.G. Zyryanov and A.N. Lukin. The author recognizes the broadness of the stated problems, achievements and disputable points of suggested decisions. The author shows methodological prospects of the authors' approach to the structure of a civil society.

Key concepts:
civil society,
substrate and functional structure,
self-organizing,
rights and freedoms.